

Глава 15

Чтобы маленькие цыплята не замёрзли насмерть, Цяо Си быстро смастерил для них гнёздышко из бамбука, наполнил его сухой соломой и, поместив туда всех птенцов, перенёс их в относительно более тёплую дровяную комнату. Всё ещё не чувствуя себя спокойно, он укрыл гнездо старой тканью для дополнительного тепла и только тогда наконец успокоился.

Даже так, птенцы были настолько хрупкими, что он всё равно потерял двух-трёх, которые не смогли выжить. Однако это считалось нормальной потерей, и Цяо Си был к этому морально готов. Оставшиеся восемь цыплят были здоровыми, и вероятность их выживания должна была быть выше.

В следующие несколько дней Цяо Си ходил в горы почти каждый день. Его усталость была видна невооружённым глазом, и без того слабое тело стало ещё более худым, словно могло рухнуть от одного порыва ветра.

Но выхода не было. Когда Цяо Си приехал, ситуация была почти катастрофической. Его дом был чист, но пуст, без единого зерна еды. Если бы он проводил каждый день бездельничая дома, он бы не знал, как пережил бы зиму.

Услышав, что ему снова нужно идти в город, дядя Цинь охотно согласился. Они договорились выехать рано утром следующего дня, затемно, чтобы у них было больше времени и не нужно было так спешить с возвращением.

И вот тем вечером при свете масляной лампы Цяо Си сел составлять список покупок на бумаге, перепроверя каждую позицию, чтобы ненароком чего не забыть. Дядя Цинь упомянул, что нужно следить за погодой: первый снег в этом году может выпасть рано и дороги заметёт, то в город уже не выбраться, так что Цяо Си лучше закупиться и к Новому году, ведь больше до праздников он в город не поедет.

Шэнь Игуань, увидев, как Цяо Си что-то сосредоточенно выводит под светом, подошёл поближе, прищурился, пытаясь разобрать его корявые каракули, и наконец спросил:

— Ты рисуешь?

Цяо Си, не отрываясь от списка, бросил в ответ:

— Рисую? Ты что, не видишь — я пишу.

Шэнь Игуань помолчал, затем снова взглянул на бумагу.

Он и представить себе не мог, что почерк может быть настолько уродливым.

— Ты вообще учился в школе? — не удержался он.

Цяо Си, уже порядком раздражённый, огрызнулся:

— Конечно, учился. А то был бы я неграмотным, что ли?

Шэнь Игуань промолчал, но Цэньэр, ещё не научившийся понимать скрытый смысл взрослых разговоров, простодушно ляпнул:

— Но почему же я не могу прочесть то, что написал Си-гэ?

Цяо Си только взглянул на него: Ещё бы ты смог прочесть упрощённые иероглифы. Великое же это изобретение.

Он знал, что их обоих, скорее всего, шокировал его отвратительный почерк, но признаваться в этом не собирался. В традиционных иероглифах слишком много черт, а каллиграфией он никогда всерьёз не занимался. В школе учителя вечно дёргали его за ухо и ругали за корявые буквы. А здесь, где нет даже нормальной ручки, а приходится писать угольным грифелем, и вовсе говорить не о чем.

А о том, красивый у него почерк или нет, он вообще не переживал.

Немного подумав, Цяо Си повернулся к ним:

— Вам что-нибудь нужно? Завтра заодно куплю.

При этих словах глаза Цэньэра радостно вспыхнули, но тут же он, словно что-то вспомнив, потупился и замотал головой:

— Мне ничего не надо.

Дядя Цинь говорил, что Си-гэ и так живёт бедно, а то, что он приютил их, и так уже большое одолжение. Им следует быть скромнее и не нагружать его лишними заботами.

— Совсем ничего? — переспросил Цяо Си.

— Тетради для письма, — тихо произнёс Шэнь Игуань.

Цяо Си уставился на него:

— Ты же писать не умеешь.

Шэнь Игуань промолчал.

Однако уже на следующее утро, когда Цяо Си запрягал повозку, он снова спросил:

— Что бы ты хотел?

И на этот раз Шэнь Игуань, похоже, отнёсся к вопросу серьёзно:

— Бумагу, тушь, кисти и камень для туши.

— Ты и правда умеешь писать? — снова переспросил Цяо Си, на этот раз с явным сомнением. — В школе-то ты не учился?

«Я учился самостоятельно», — коротко ответил Шэнь Игуань, но в его голосе Цяо Си почудилась лёгкая усмешка. — «Но, судя по твоему почерку, тебе бы тоже не помешало переучиться».

«Я бы на твоём месте сначала научился нормально говорить, а потом уже за кисти брался», — парировал Цяо Си беззлобно, но Шэнь Игуань, кажется, уже решил для себя, что это не обсуждается, и поэтому на его слова никак не отреагировал.

До города ехали около двух часов. Стоял конец осени, и на дороге было безлюдно, а утренний ветер сек лицо, как наждачная бумага. Цяо Си сидел рядом с дядей Цинем, кутаясь в подбитую

ватой куртку, но всё равно продрог до костей. Он уже начал жалеть, что не нацепил на себя все тёплые вещи, какие были в доме.

Дядя Цинь, заметив, как он дрожит, протянул ему флягу:

— Хлебни, согреешься.

Цяо Си послушно отпил. Жидкость обожгла горло, по телу разлилось приятное тепло, и дрожь немного унялась. Вернув флягу, он поинтересовался:

— Дядя Цинь, вы в город по делам?

— Да есть кое-какие дела, — уклончиво ответил тот и перевёл разговор на другое. — Ты, главное, не задерживайся. Я управлюсь к вечеру, встретимся у восточных ворот, как стемнеет.

Цяо Си кивнул и, не задавая лишних вопросов, снова устался на дорогу.

Первым делом, конечно, нужно было зайти в ту же лекарственную лавку. Толстый хозяин встретил его с той же приветливой улыбкой, окинул его беглым взглядом, прикидывая, что он сегодня принёс, и, увидев несколько связок собранных в горах трав и кореньев, довольно поцокал языком и, пригласив его в заднюю комнату, распорядился подать чаю.

Цяо Си не любил чай ни в прошлой, ни в нынешней жизни, так что разницы между «золотыми иглами» и «весенним чаем» для него не существовало. Он просто отпил половину чашки залпом. Хозяин ничуть не обиделся, напротив, принялся болтать о том о сём и в конце концов, понизив голос, доверительно сообщил:

— Слышал, сейчас всю ищут пурпурно-золотого ворона. Не то чтобы его раньше не искали, но в этот раз прямо-таки охота объявлена, и цену дают баснословную.

Он выразительно вздохнул:

— Вот только где его найдёшь? Я, грешным делом, за всю жизнь и пару раз-то его не видел. Так что, если, не дай бог, тебе, братец Цяо, попадётся такое чудо, я куплю, не торгуясь.

И он заговорщицки подмигнул.

Цяо Си, заинтригованный, переспросил:

— Неужели и вправду так дорого?

— Истинная правда, — ещё тише сказал хозяин. — Говорят, что это для самого двора заказывают, так что ищут с особым рвением.

Цяо Си, никогда раньше не видевший пурпурно-золотого ворона, попросил показать ему рисунок. Вглядевшись, он с удивлением обнаружил, что эта драгоценная трава, судя по картинке, больше всего напоминала кусок заплесневевшего имбиря: тёмно-фиолетовая, невзрачная, и любой, кто не знает, просто выбросил бы её, не задумываясь.

Если она и правда стоила таких денег, как говорил хозяин, то следовало бы поискать. Вдруг повезёт?

Он как раз размышлял над этим, когда снаружи вдруг поднялся шум. В лавку, гремя сапогами, ввалилась группа солдат. Предводитель, видом больше похожий на разбойника, нежели на

военного, лениво вошёл в зал и громогласно крикнул:

— Хозяин где?

Толстяк поспешно отставил чашку, потирая руки, и с подобострастной улыбкой поспешил навстречу:

— Господин военный, какой ветер вас к нам занёс? Не желаете ли чаю?

— Брысь! — отмахнулся от него офицер. — Не до чая сейчас. Дело есть!

Он вытащил из-за пазухи свиток с портретом и рявкнул:

— Видели этого человека?

Цяо Си, стоявший неподалёку, случайно бросил взгляд на портрет.

На разыскиваемом преступнике был изображён мужчина, но черты лица были нарисованы настолько нелепо — густые брови, широкий рот, огромный нос, а взгляд такой свирепый, словно он только что человека съел. Было ясно, что художник дал волю своей фантазии.

Всё было исполнено с большим чувством, но совершенно бездарно.

Хозяин тоже приблизился, прищурился свои маленькие глаза, и, всмотревшись в портрет, покачал головой:

— Нет, такого не видели.

Солдаты, услышав это, не удивились. Один из них нахмурился и зло проворчал:

— За полмесяца ни одного из этих чертей не поймали. Начальство уже кричит, что мы ни на что не годны!

— Скоро Новый год! Кто же не хочет отдохнуть?

Толстый хозяин, улыбаясь, подал знак приказчику и, пока никто не видел, незаметно сунул в руку офицеру серебряный слиток и заискивающе сказал:

— Вы, верно, устали, господин военный. Должно быть, преступник, прослышав о вашей доблести, сбежал куда подальше.

Офицер, ощутив в руке тяжесть серебра, сразу же смягчился и кивнул с довольным видом:

— Пожалуй, ты прав.

— Если у хозяина будут какие-то сведения, незамедлительно сообщи, — добавил он, махнул рукой, и солдаты гуськом потянулись к выходу, чтобы продолжить «обход» соседних лавок.

Когда они вышли, приказчик сплюнул им вслед и процедил сквозь зубы:

— Кровопийцы.

Цяо Си спросил:

— Они каждый день так приходят?

Хозяин горько усмехнулся:

— Каждый день? Мы тут честным делом занимаемся, где ж нам каждый день таких «гостей» принимать?

— Они раз в месяц наведываются. Вроде как преступников ловят, а на самом деле только деньги тянут. На дело им плевать.

Цяо Си, вспомнив тот нелепый портрет, понимающе кивнул. Если полагаться на такую картинку, то разыскиваемый мог бы пройти мимо них хоть десять раз, и никто бы его не узнал.

Поболтав с хозяином ещё немного, Цяо Си забрал деньги и распрощался. У него ещё были дела, и засиживаться он не мог. Толстый хозяин, хоть и был добродушен, оказался слишком разговорчивым и любопытным, но Цяо Си не хотел показаться невежливым.

Ему и правда не было дела до тех дворцовых тайн, до того, как нынешний император взошёл на трон, или до того, кто был тот великий генерал, которого разыскивали.

Императоры, генералы, князья — у всех у них необыкновенные судьбы. Он читал о них только в романах. Они казались такими далёкими.

Хотя Цяо Си иногда и представлял себя главным героем, он отдавал себе отчёт, что в феодальном обществе он был всего лишь бесправным муравьём, который пытался выжить на фоне великих событий, и от которого не останется и следа, когда колёса истории прокатятся по нему.

В современном или древнем мире он просто хотел жить хорошо, и всё.

Но, говоря о главном герое, Цяо Си вдруг вспомнил о Шэнь Санлане, который остался дома. Его тяжёлые условия вполне соответствовали образу главного героя. Даже если он пал с высот, у него остались и лицо, и происхождение.

Но если говорить о внешности, то даже доктор Линь, похожий на бессмертного, тоже мог бы быть главным героем...

Цяо Си задумался, его мысли блуждали, пока он выбирал обувь в лавке. Тканевые туфли, в которых он каждый день бегал в горы, уже развалились, сапоги Шэнь Санлана тоже были в лохмотьях. Не говоря уже о Цэньэре, у которого из дырявых башмаков торчали пальцы.

И тут в лавку вошли мужчина и женщина, и Цяо Си невольно услышал их разговор.

— Чжэньнян, посмотри, как искусно вышита сорока на этом платке, — сказал мужчина, его голос был мягким и изящным, с оттенком учёности.

Женщина по имени Чжэньнян тихо рассмеялась, её голос был сладким и нежным.

Цяо Си не обратил особого внимания на пару, которая делала покупки. Он попросил хозяина упаковать несколько пар обуви и уже собрался уходить, но, выходя, чуть не наступил на ногу женщине.

Он быстро остановился и извинился:

— Простите.

Краем глаза он мельком увидел лицо женщины и невольно восхитился: Какая красивая девушка.

Ли Чжэньнян прикрыла рот рукой и покачала головой:

— Это я слишком спешила. Мне следует извиниться перед вами.

Она подняла голову и замерла, увидев Цяо Си. Возможно, она никогда раньше не видела такого красивого мужчину.

Они обменялись улыбками, и оба почувствовали взаимную симпатию, вежливо уступая друг другу дорогу.

Это была лишь мимолётная встреча, и ни Цяо Си, ни Ли Чжэньнян не придали ей особого значения, думая, что они просто разойдутся, как только разминутся. Но мужчина, сопровождавший Чжэньнян, Сюцай Хэ, казался заметно встревоженным, его тело напряглось от страха.

Он уставился на лицо Цяо Си, тяжело дыша.

Цяо Си... Почему Цяо Си оказался здесь?!

<http://bllate.org/book/17973/1727686>